

Опаленные судьбы

Воспоминания... Они не отпускают многих воинов Великой Отечественной. Горящие версты войны, кровопролитные сражения на передовой, боевые ранения, радостные слезы Победы – все это, словно ожившие картины памяти, которые даже время не в состоянии стереть. Что и говорить, прошедшее через горнило военных действий поколение 1940-х получило серьезную закалку. Но, несмотря на пережитое, вдохновленные добытой Победой его представители продолжают неустанно трудиться, будто пытаются наверстать годы, отобранные войной. Судьбой моих собеседников – академиков Национальной академии наук Беларуси – стала наука.

ТРУДНОЕ СЧАСТЬЕ

Председатель колхоза Петр Иванович Антонов в мечтах видел своего сына сельским учителем, как-никак профессия достойная и уважаемая.

Но документы в Витебское педучилище не приняли, потому что не было Игнатию положенных 14 лет. Возвращаться домой в деревеньку Будница, что на Витебщине, ни с чем не хотелось. И хлопец решил подать документы в фельдшерско-акушерскую школу. Впрочем, об этом судьбоносном повороте событий пожалеть ему не пришлось...

Школу Антонов окончил на «отлично», затем поступил в Витебский мединститут. Но проявить свои способности в полной мере в вузе не удалось: с первого курса призвали в Красную армию. В 1940-м призванного спецнабора направили служить на советско-иранскую границу. Там через год и застала его Великая Отечественная война. События начали развиваться с головокружительной быстротой: сборы, доукомплектование части и переброска подразделения в составе бригады на Волгу, где на восемнадцатилетнего паренька обрушилось первое великое испытание – Сталинградская битва.

– Первые дни на передовой были крошечным адом, – вспоминает Игнатий Петрович. – Для меня – санструктора танкового батальона, вся Вселенная сжалась до размеров этого поля боя, где, казалось, не оста-

лось ничего, кроме свиста пуль и грохота разрывающихся снарядов, стонов и криков раненых о помощи. В импровизированный медицинский пункт, оборудованный в подвале одного из полуразрушенных домов на станции Тацинской, мне удалось тогда вынести с поля боя 28 человек. Приказ выходить из окружения поступил только на пятый день. Дислокацию меняли быстро, потому раненых размещали, где могли: и на броне танков, и в кузовах машин.

Наш корпус, окружая группировку Паулюса, стремительным броском за 4 дня прошел по тылам фашистов 250 км и штурмом освободил Тацинскую. Удар для немцев был настолько неожиданным, что на аэродроме удалось захватить и уничтожить две с половиной сотни вражеских самолетов. Фрицы, правда, потом очухались, начали контратаковать. Прорывать кольцо окружения нам пришлось с боями, так работы, как говорится, всем бойцам хватало... За этот легендарный рейд в глубокий тыл противника наш танковый корпус удостоился звания гвардейского и стал называться «Тацинским». За Сталинградскую битву я и получил свой первый боевой орден – Красной Звезды.

Фельдшер батальона – звание невысокое, но работа эта великая и тяжелая. Танкисты ведь, как известно, во время боя находятся внутри машины, а фельдшер – или сверху на броне танка, где и удержаться-то непросто, не то что защититься от осколков снарядов и шальной пули, или следовать за танком с санитарной сумкой и гранатами. Но молодому лейтенанту Игнатию Антонову, самоотверженно спасавшему человеческие жизни во время сражений, бесстрашия было не занимать. Иногда действительно приходилось полагаться только на удачу, как в величайшей битве на Курской дуге, где встретились лоб в лоб около двух тысяч танков.

– Это было самое страшное: взвалил на себя раненого, а куда ползти – не знаю, потерялось не только чувство времени, но и ориентация, – рассказывает Игнатий Петрович про сражение под Прохоровкой. – Повсюду слышен лязг гусениц танков и пулеметные очереди. Тогда мне просто по-

ПАТРИАРХИ
БЕЛОРУССКОЙ
НАУКИ

везло: вытолз прямоком к нашим позициям. Но обгоревшее лицо старшего лейтенанта Мазурина, которого больше километра тащил на себе через этот ад, запомнилось на всю жизнь. За годы войны на руках я вынес с поля боя 128 раненых, но полученная за Прохоровку медаль «За отвагу» особенно дорога: она – напоминание об истинной ценности человеческой жизни.

Потом было участие в операции «Багратион». Перед самым ее началом командир бригады С. Булыгин отпустил Антонова на двое суток – повидать родных. К тому времени войска Красной армии уже освободили Суражский (ныне Витебский) район. Помчался на перекладных – хотел обрадовать родителей. Но спешил, как оказалось, напрасно. Выжгли немцы деревню Будница (ее название сохранилось для потомков только в Хатыни, на «Кладбище деревень»). Уцелевшие сельчане ютились в землянке, они и рассказали бойцу о судьбе семьи Антоновых. Оказалось, кто-то выдал фашистам отца, председателя колхоза, те отправили его в концлагерь, а после двух неудачных побегов повесили. Мать Игнатия, брата Ивана, сестренку Аню и Соню (о рождении последней он даже не знал) немцы угнали в Германию.

Свое горе он так и не смог выпустить наружу, просто сил не нашлось заплакать...

В июне 1944 года батальон, в котором служил гвардии лейтенант Игнатий Антонов, в боях под Смоленвичами понес сильные потери. Был убит командир одного из танков.

– Зная, что я изучал тактику танкистов и умел водить тридцатьчетверку, командир бригады С. Булыгин приказал мне взять командование экипажем на себя, – не без гордости говорит И.П. Антонов. – Танкистам нашего 2-го гвардейского Тацинского корпуса была поставлена задача: на Минск! Мы ворвались на улицы города с северо-западной стороны. Первым в Минске в составе 25-й бригады оказался танк нашего взводного Николая Кольчева, третьим – мой. Город встретил нас разрухой: везде валялись вырванные с корнем деревья, сломанные плиты, торчала арматура. Двинулись в направлении оперного театра, видим мост через Свислочь, вполне пригодный для переправы. Тут откуда-то выскочила женщина и замахала нам рука-

ми: «Сыночки, куда? Мост же заминирован!» Подождали саперов. Только проскочили этот опасный участок, как в районе Юбилейной площади на улице Островского нарвались на засаду: немцы открыли огонь из минометов. В мой танк попал снаряд, повредил гусеницу. Помню, механик-водитель собрался ее чинить, я стоял рядом с танком, как прогремел второй залп. Вот так ранением и контузией в районе улицы Островского и закончился мой «Багратион». Потом медсанбат, и снова бои – за взятие Кёнигсберга я был награжден орденом Отечественной войны I степени. Затем наш танковый корпус перебросили в Польшу. Там в Августовских лесах и встретил я радость: весть о Великой Победе. А за освобождение столицы Беларуси меня наградили орденом Отечественной войны II степени.

Игнатий Антонов (слева) с женой и фронтовым товарищем Героем Советского Союза Николаем Кольчевым. 1965 год

В первую годовщину Победы Игнатия Антонова в составе делегации 3-го Белорусского фронта пригласили на торжественный прием в Сталинском райкоме партии Минска. Прославленные воины, герои Великой Отечест-

венной ловили восхищенные взгляды присутствующих дам. На этом приеме гвардии лейтенант Антонов познакомился со своей будущей женой. Не откладывая штурм женского сердца в долгий ящик, буквально на следующий день снарядил троих своих фронтовых товарищей в сваты. Но избранница не торопилась с обещаниями, хотя проводить Игнатия, уезжающего в часть, на вокзал все-таки пришла.

– Вот недавно с Лидией Николаевной бриллиантовую свадьбу отпраздновали, – с улыбкой отмечает Игнатий Петрович. – Она всегда обеспечивала мне надежный тыл. Я ведь занимался наукой, то кандидатскую писал, то докторскую. А потом 36 лет возглавлял Научно-исследовательский институт неврологии, нейрохирургии, физиотерапии и курортологии. Служил людям, врачевал их недуги.

Неутомимый исследователь искал панацею от сложнейших болезней периферической нервной системы и сердечно-

сосудистых заболеваний, вертебрально-базиллярного инсульта, цистицеркоза головного мозга и других. Им сформулирована теория о роли сосудистого фактора в возникновении остеохондроза и его неврологических проявлений, особенностях течения в различных возрастных периодах. Сегодня научные достижения белорусского ученого используются для лечения больных во всем мире. Игнатий Антонов – один из немногих – включен мировым научным сообществом в число выдающихся личностей XX столетия и награжден медалью Почета второго тысячелетия.

И.П. Антонов подготовил 24 доктора и 45 кандидатов, у него самого 618 научных работ, из них 9 монографий, кроме того, 17 изобретений, 16 рационализаторских предложений, 27 методических рекомендаций.

Среди его учеников академики НАН Беларуси Ф.В. Олешкевич, В.С. Улащик, А.Ф. Смянович. Более чем за полувековую медицинскую практику Игнатий Петрович проконсультировал и оказал практическую помощь в условиях стационара десяткам тысяч человек. Среди тех, кого лечил Антонов, и такие известные люди, как Петр Машеров, Петрусь Бровка, Максим Танк, Иван Шамякин, Игорь Лученок, Виктор Вуячич, Людмила Зыкина и Эдита Пьеха, София Ротару и Нани Брегвадзе...

Полный перечень титулов и заслуг этого ученого действительно велик. Академик НАН Беларуси, член-корреспондент Российской академии медицинских наук, доктор наук, профессор, лауреат Государственной премии, заслуженный деятель науки Республики Беларусь. Но почетным званием «Народный врач Беларуси» Игнатий Петрович Антонов дорожит более всего.

Его доброе лицо лучится морщинками, но веселые искорки задора и теперь не покидают его по-молодому яркие глаза: «Мои родители хотели назвать меня Геннадием. Но сельский священник предложил назвать Игнатием – по святым. Сказал – счастли-

вым будет. Видно, счастливое имя спасает меня в трудных жизненных ситуациях...»

По мне, так несомненно. Ведь только счастливый и мужественный человек мог пройти Сталинград и Курскую дугу – и остаться живым. Только счастливый и милосердный человек мог вопреки жестокости войны врачевать – спасать человеческие жизни. Только счастливый и талантливый человек смог отдать все свои силы и умение на благо Отечества и добиться мирового признания в медицинской науке.

И пусть это счастье опалено войной, как и судьба всего его поколения, но тем оно и дороже.

ЗАГОВОРЕННЫЙ

Жизнь представлялась большим приключением, когда я, окончив Княжицкую среднюю школу, решил с другом рвануть в военно-морскую академию в Ленинград. Из военкомата уже выдали проездные документы. До отъезда оставалось 8 дней. В томительном ожидании я думал: как это волнительно впервые покинуть родные места, чтобы получить первую пробу своих сил. Но время так и застыло на точке отсчета в 8 дней: мои планы сорвала война, – рассказывая о своем жизненном пути, Владимир Семенович Комаров нанизывает кадры прошлого, переплетая те события с настоящим и даже предполагающимся будущим. Что и говорить, художник. Причем в полном смысле этого слова. Этот талант обнаружился у него еще в средней школе.

– Преподавал у нас рисование настоящий художник по фамилии Пискунов, что для сельской местности было из ряда вон выходящим, – вспоминает ветеран. – Помню, подарил он мне краски фирмы «Пеликан». Вот радости-то было! Эскизы, да и картины тогда рисовали в основном карандашом. А тут – яркие краски! Ох и увяз я тогда в художественном творчестве! Рисование стало для меня увлечением на всю жизнь. объездил нашу Беларусь с фотоаппаратом в руках, пытался запечатлеть самые прекрасные уголки природы. Проявлял черно-белые фотографии, потом по памяти в картинах «оживлял» их цветом. Сегодня мною написано

Академик Игнатий Антонов (слева) и Герой Советского Союза Виктор Ливенцев

около 150 полотен, собираюсь издавать уже четвертый альбом. Мое кредо – по-прежнему пейзажная лирика, но, бывает, и портрет получится. Только на военную тематику никогда не пишу...

В 1942 году призвали Владимира Комарова в действующую армию. В полевом военкомате, мобилизовавшем новобранцев в запасной полк, готовили разведчиков. На серьезное обучение времени, правда, не было, потому после краткого курса отправили на передовую: учиться непосредственно на практике у более опытных боевых товарищей. Влилось молодое пополнение разведчиков в 91-ю дивизию, которой тогда командовал генерал-майор К.А. Железников.

– Бесстрашный я был, это уж точно, – с улыбкой признается Владимир Семенович. – Почему-то сам для себя решил, что меня не должны убить. Словно я заговоренный. Моя самоуверенность порой доходила до крайности. Нет, под пули специально не лез, но даже под артобстрелом не дрейфил. Были те, кто начинал метаться, прятаться, перебежать из окопа в окоп: многие в такой суете и перебежках действительно погибали. Мне же, по молодости, казалось, что держался я геройски. Смешно было бояться: ведь та пуля, которая просвистела, уж точно не твоя. Свою – не услышишь...

Такие отважные парни для разведки были просто клад, так что служба у Владимира Комарова задалась. Из группы прикрытия взяли его в группу захвата. Во многих успешных операциях он участвовал, более 15 языков привел.

– Как-то в штабе планировали наступление и сочли необходимым уточнить дислокацию врага. Понятно, что работа эта для нас, для разведки. Командир дивизии собрал нашу разведгруппу и говорит: «Задание непростое, но если возьмете языка, устройте вам вечер и представлю к наградам».

Линия обороны была рваной, местами шла по кривой, кое-где вообще упиралась в непроходимую болотистую местность. Пошли в стан врага ночью, по огневым проблескам определяли, как поменялась диспозиция, чтобы не нарваться на пулемет.

Смотрим, выкопана новая траншея и обтоптана, значит, ходят здесь фрицы.

В.С. Комаров.
1944 год

Под покровом темноты притаились неподалеку. Не прошло и пяти минут, вот оно – идет немец. Языка взяли тихо, он даже пикнуть не успел. Немец оказался важной птицей – связным командира роты, так что информацией обладал обширной: и где по тылу фланги расположены, и куда штаб переместился, и где артиллерия засела. Вернулись из своего рейда, да на радостях сгруппировались: доложили о языке только с рассветом. Подумалось тогда: оплошность эта все перечеркнула – и вечер, и награды! А в обед прибегает посыльный с приказом из штаба дивизии явиться всей разведгруппой. Приходим мы, а там стол уже накрыт, а за ним бойцы из разведки полковой. Так что мы, дивизионные, делились с ними опытом, как правильно брать языка, по инструкции и не только, словом, как работать на передовой.

За успешное проведение операции нашу разведгруппу представили к наградам. Мне присвоили звание младшего сержанта и наградили орденом Славы III степени.

91-я гвардейская Духовщинская стрелковая дивизия, в которой воевал Владимир Комаров, с боями дошла до Кёнигсберга. Известие о мире застало фронтового разведчика за несением караула.

– Как только услышали о Победе, какой там караул, словно обо всем на свете забыли: бросились обниматься с боевыми друзьями, палили в воздух, не скрывали слез, – делится воспоминаниями разведчик Комаров. – На этом и кончилась наша эпопея на Западе. Но зато, как оказалось впоследствии, началась на Дальнем Востоке.

Красная армия, выполняя свой союзнический долг, после завершения разгрома Германии 8 августа 1945 года вступила в войну против Японии. За 23 дня она разгромила миллионную группировку японских сухопутных войск на территории Северо-Восточного Китая (Маньчжурии), что значительно ускорило окончание Второй мировой войны на Дальнем Востоке.

Служба разведчика Комарова теперь уже проходила в топографическом подразделении пулеметно-артиллерийской бригады. Бойца туда перевели, в первую очередь, за умение хорошо рисовать.

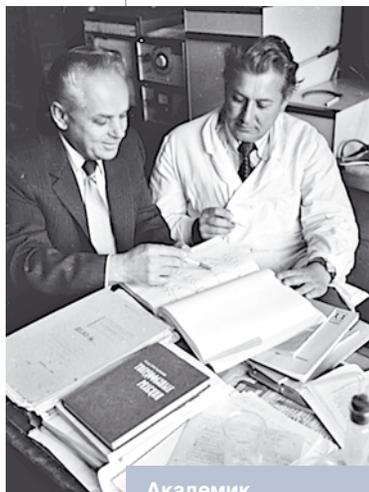
Память ветерана хранит множество событий, участником которых довелось стать. Это и оборона Ляодунского полуострова, подрыв мостов, «разведывезд» на дрезине по Маньчжурской железной дороге, рейды в горы, учения под названием «Граната», путешествие в Порт-Артур. За бои с Японией он получил орден Красной Звезды.

Фронтная деятельность Владимира Комарова отмечена также тремя медалями: «За взятие Кёнигсберга», «За победу над Японией», «За победу над Германией». В послевоенное время он награжден орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени и Франциска Скорины.

Главные награды всегда на парадном мундире ветерана Великой Отечественной войны. Остальные, а их набирается уже около 30, обычно не носит. «И так понятно, кто есть кто», – отшучивается бывший разведчик.

Впрочем, так же азартно и самоотверженно, как воевал, Владимир Комаров занимался наукой. «Жаль только, медика из меня не получилось», – сетует он. Здесь есть что возразить выдающемуся ученому в области коллоидной химии академику НАН Беларуси, заслуженному деятелю науки, лауреату Государственной премии Республики Беларусь, доктору химических наук, профессору...

О научных достижениях академика Владимира Комарова можно рассказывать долго, но если вкратце, то на его счету глубокое теоретическое обоснование новых представлений и концепций, создание научной школы в республике, что и принесло ему заслуженное признание среди специалистов. Владимиром Семеновичем опубликовано более 800 научных работ, в том числе 8 монографий, получено 160 авторских свидетельств. Он подготовил 3 докторов и 25 кандидатов наук. На протяжении 23 лет В. Комаров возглавлял Институт общей и неорганической химии, умело сочетая организаторскую работу с исследовательской. Под его руководством в созданной им лаборатории природных

Академик В.С. Комаров (слева) за разработкой катализаторов выхлопных газов. 1982 год

адсорбентов и катализаторов развернулись обширные исследования минералогического состава, физико-химических, адсорбционно-структурных и каталитических свойств глин Беларуси. Исследования академика В.С. Комарова и представителей его школы по вопросам синтеза, регулирования структуры, природы поверхности и по изучению свойств адсорбентов и катализаторов творчески развили науку об адсорбентах.

С присущим ему энтузиазмом, оптимизмом и творческим темпераментом почетный директор Института общей и неорганической химии и сейчас работает без всяких скидок на возраст, руководит аспирантами, а еще – заканчивает написание монографии, обобщающей результаты его научных исследований за последние годы.

«Работа и только работа», – повторяет свой жизненный девиз Владимир Семенович и сразу переключается на конкретику:

– Представляете, мы обнаружили очень интересные вещи. Если поместить гидроокиси в магнитное поле, то можно получить на уровне нанотехнологий прекрасные порошки для изготовления пигментов красок. Мы сейчас это дело раскручиваем. В мире ничего подобного нет: никто не получал сорбенты в магнитном поле. Нынешние изготовители нанопорошков в Германии ценят их очень дорого, около 4 тыс. долларов за килограмм. Только подумайте, если производить такие современные красители у себя в стране, сколько можно сэкономить валюты?!

72 БЛОКНОТА ИЗОБРЕТАТЕЛЯ

Первые четыре года жизни Георгия Сидоренко прошли на Украине, в Киеве. Время было суровое, люди умирали от голода. Потому отец принял решение попытаться счастья в Беларуси. Долго не думали – собрали нехитрые пожитки, которые у отца-химика поместились в два чемодана, и переправились поближе к «картофельному раю». С 1932 года Беларусь стала для них второй родиной.

То, что растет в семье Сидоренко изобретатель, стало ясно довольно рано, когда Георгий был в шестом классе. Первым толчком к активной деятельности послужили

ла газета «Пионерская правда». В одной из публикаций приглашали всех желающих сделать приемник, чтобы на определенной волне разговаривать напрямую, ни много ни мало, с участниками первой экспедиции на Северный Полюс – Папаниным, Ширшовым и другими.

– Я узнал, что минский радиоклуб располагается напротив стадиона «Динамо», – вспоминает Георгий Иванович. – Пришел, а там, кроме меня – мальчишки, все взрослые. Но ничего, новому радиолюбителю в моем лице они помогли советами, и, что вы думаете, приемник получился. Правда, никакого полюса я не поймал. Но с того времени вот уже 60 лет занимаюсь электроникой. Все предполагали, что поступлю в радиотехнический, – не сложилось. А вот желание собирать технику своими руками осталось. Это всегда мне было интересно. Наверное, потому мои кандидатская и докторская диссертации вместили так много приборов, сделанных впервые в мире.

Зрение у Георгия Сидоренко всегда было неважное, но во время войны никто на этот факт внимания не обращал. Новобранец в очках 3 июля 1944 года стал рядовым 1315-го стрелкового полка 173-й стрелковой дивизии.

– Как новоиспеченному солдату мне полагалась пачка махорки. А я не то что не курил, даже ни разу не пробовал, – рассказывает Георгий Иванович один из житейских эпизодов своих военных будней. – Самокрутку приготовили тут же на месте, но «обучение» не пошло на пользу: от крепкого дыма мне стало плохо. Предложили альтернативу – шоколад, но идти бойцу на фронт со сладостями в кармане мне показалось совсем уж несерьезным. Говорю: «Нет, давайте лучше махорку». После этого, вы, наверное, догадываетесь, что у меня было много друзей.

«Эта чудовищная война», как называла Великую Отечественную Г.И. Сидоренко, беспощадно изнуряла силы.

– По ночам мы шли уже чисто механически: больше всего на свете хотелось закрыть глаза. Мой фронтовой товарищ, подбадривая меня, говорил: «Ты не засыпай, я буду тебе стихи Маяковского читать». Грязные и уставшие, по боло-

там и лужам, обходя горы трупов, мы все время продвигались вперед. Вот позади Лида, Августовские леса... Почему-то у многих было такое наивное представление, что дойдем до границы Германии и война закончится.

В Польше, возле города Сувалки, его стрелковый полк столкнулся с отчаянным сопротивлением немцев. Очередное наступление, главная задача которого – захватить окопы противника, намечено было на шесть утра.

– Лежа в траншее, усталой телами погибших, и глядя, как основательно окопались превосходящие количеством и военной мощью фрицы, мы отчаянно надеялись на помощь, – вспоминает ветеран последний свой бой. – И в это время откликнулись наши «катюши». Победа не за горами, подумалось нам. Смотрим, а с

немецкой стороны выползают танки: так скоро и до наших позиций доберутся. Наш лейтенант принимает решение не ждать танков, и мы, рассыпавшись по полю, идем в наступление. Разрывная пуля прервала мой победный бег совсем недалеко от немецкого окопа... Открываю глаза, светит солнце, а на мне почему-то чья-то рука лежит. Пытаюсь откинуть, смотрю – рука-то моя, только я ее не чувствую. Слышу немецкую речь, думаю, как же нашим знак подать, что живой. Да взял другой, свободной рукой помахал. Немцы моментально открыли стрельбу, пулей мне пробил шею. Последнее, что помню: кровавый ручеек где-то возле своего лица...

Хрустящий звук, оттого что хирург срезал мне мышцы, как-то вообще не обеспокоил, парализованной руке было не больно. И тут я вспомнил о пробитой шее и спросил первое, что пришло в голову: «Доктор, я буду петь?» А врач мне говорит так бесстрастно: «Не уверен, будешь ли ты жить»... Потом я опять провалился в беспамятство.

Дорогу до Смоленска, а потом в Ташкент боец Сидоренко практически не помнит,

Молодожены
Евгения и Георгий
Сидоренко.
1950 год

потому что большую ее часть провел в забытии. Сознание, впрочем, возвращалось, иногда не в самый подходящий момент. Как, к примеру, в госпитале в Ташкенте:

– *Открываю глаза, лежу за какой-то ширмочкой, слышу приближающиеся голоса. Оказывается, это студенты-медики со своим доцентом больных обходят, у раненых о самочувствии спрашивают. И тут кто-то спрашивает: «А кто там, за ширмочкой?» Доцент объясняет: «Тут у нас умирающий лежит, это вам неинтересно». Ну, думаю, неинтересно, так неинтересно, а самому обидно...*

В Ташкенте ночи жаркие, окна госпиталя всегда открыты. Слышу, в репродукторе звучит первый концерт Чайковского. Лежу и думаю: ну неужели под такую музыку можно умирать?.. И словно решил для себя проблему жизни и смерти: с этого момента пошло у меня на поправку. Потом, читая лекции студентам, а я преподавал 30 лет, знакомство обычно начинал с первого концерта Чайковского.

До войны Георгий Сидоренко окончил только 9 классов. Поэтому, вернувшись в Минск, решил получить среднее образование. Директор 42-й школы с пониманием смотрела на фронтовика, особенно на его парализованную руку на перевязи. Разговор состоялся откровенный: в школе, начиная с текущего года, вводятся золотые медали, дело это ответственное, поэтому портить общие показатели ни к чему. Так что приходиться, конечно, на занятия можно, но в список ученика включать не будут. Претендент на знания со всем согласился. На всякий случай еще и в вечернюю школу записался. Так и учился, практически, целый день.

Не знала директор, что буквально через три месяца способный и старательный ученик Георгий Сидоренко сдаст экзамены на аттестат зрелости на пятерки с плюсом и получит первую в республике «золотую»

медаль. Среди тех, кто придет на мероприятие, посвященное данному событию, будет и девятиклассник этой же 42-й школы Жорес Алферов.

Столь стремительный успех Георгия Ивановича комментирует так:

– *Думаю, мне помогли книги, которые я запоем читал в течение пяти месяцев, пока проходил лечение в Ташкентском госпитале. Библиотека там была очень богатая. Понимаете, тогда хотя и трудный период был, но какой-то по-настоящему вдохновенный. Мы с таким энтузиазмом занимались. Я потом много лет со студентами общался, мне кажется, что сейчас отношение у них к процессу получения знаний стало более прозаическим, что ли.*

Так же, как и в школе, Сидоренко с блеском выдержал выпускные экзамены в медицинском институте. Пережив много операций, он решил избрать для себя стезю врача. Профессора-экзаменаторы наперебой зазывали перспективного молодого специалиста к себе на кафедры. Он выбрал терапию. Меньше чем через год Георгию Сидоренко предложили вести занятия в Институте усовершенствования врачей. Это был первый в Беларуси курс по электрокардиографии. Говорят, на лекциях молодого и бесконечно увлеченного преподавателя не было свободных мест, слушатели сидели даже на подоконниках. Приходили даже студенты юридического факультета. Практически все лекции сопровождалось аплодисментами в аудитории.

В своей научной деятельности молодой ученый не искал легких путей, брался за самые новаторские идеи.

– *Был такой неоднозначный период, когда клеймили кибернетику и генетику, называя эти науки «продажными девками империализма». На общем собрании секретарь комсомольской организации мое увлечение кибернетикой и мне ставил на вид. А я все бился над реализацией своей идеи: придумать, каким образом больное сердце сможет само командовать и контролировать необходимую ему дозу лекарств. И считал, что без кибернетики тут не обойтись.*

Вдруг как-то узнаю, что в московском журнале «Вопросы философии» академик

Вечерний эксперимент на работающем сердце. 1973 год

В.В. Парин выступил в защиту кибернетики. С таким человеком надо встретиться, решаю я. Звоню ему и говорю: «Вас беспокоит доцент из Минска, мне нужно с вами побеседовать, хотя бы полчаса». В общем, в понедельник я был уже в Институте медико-биологических проблем, который возглавлял Парин, и излагал ему свою идею о сердце, самостоятельно подбирающем оптимальную дозу лекарств. Выложил все, даже признался, что начал писать фантастический рассказ.

Выдающийся ученый внимательно выслушал мою эмоциональную речь и сказал: «Хорошо: это – фантастика, а есть у вас что-нибудь реальное?» Тут пришла моя очередь торжествовать: открываю свой чемоданчик, а там у меня штук 50 электрокардиограмм в эксперименте. Причем устройства эти я сделал самостоятельно. Мои идеи и пути их реализации академику Парину понравились. «Так это же хорошая тема для докторской диссертации, поработайте над этим», – отметил он и предложил быть моим научным руководителем. Фактически этот человек стал моим духовным отцом. А докторская диссертация, которую я успешно защитил через пару лет, – первой в мире работой по кибернетической терапии. В издательстве Академии наук СССР сразу вышла моя книга «Кибернетика и терапия».

Энергии молодого ученого хватало и на рискованные эксперименты, и на активную организаторскую работу. Кроме того, он стал переписываться и очень сблизился с академиком Е.И. Чазовым. Исследователи загорелись идеей создать Научное общество кардиологов Беларуси и осуществили ее в 1964 году. Г.И. Сидоренко 40 лет являлся бессменным председателем этого объединения кардиологов. В 1977 году выдающиеся ученые Е.И. Чазов, Г.И. Сидоренко и М.М. Миррахимов (Киргизия) выступили инициаторами создания кардиологической службы Советского Союза. В Беларуси Г.И. Сидоренко была проведена очень масштабная работа по организации кардиологических диспансеров во всех регионах, кардиологических отделений в больницах, системы тромбоэмболической

помощи и реабилитационной кардиологической службы. Функционирование новых структур вывело всю отрасль практической медицины на значительно более высокий уровень.

С годами сотрудничество профессионалов-кардиологов только крепло. Они продолжили совместные изыскания даже после распада СССР, создав Ассоциацию кардиологов СНГ. Внедрялись новые препараты и появлялись запатентованные ноу-хау. Приборы, разработанные Георгием Сидоренко, выпускались на многих предприятиях Беларуси: на «Интеграле», Минском заводе имени Орджоникидзе, Борисовском заводе медпрепаратов... Это совсем неудивительно, если учесть, что кардиолог, академик НАН Беларуси,

доктор медицинских наук, профессор Георгий Сидоренко – обладатель рекордного количества патентов (170), на его счету около 900 научных работ. Свои оригинальные идеи он запатентовал не только у себя на родине, но и в США, Франции, Германии, Японии, Канаде. Г.И. Сидоренко 18 лет проработал экспертом в ВАК СССР, потом 15 лет руководил в Беларуси советом по защите докторских диссертаций по кардиологии...

Находить свое, неординарное решение любой проблемы Георгия Сидоренко научил отец.

Простые примеры, на которых родитель пытался привить сыну умение мыслить, иногда давали неожиданные результаты. Подводная лодка «Наутилус» из его любимой книги Жюль Верна показала семикласснику Георгию Сидоренко слишком уязвимой для осколков подводных мин. И он придумал, как усовершенствовать корпус этого фантастического плавучего аппарата сильно сжатой двухслойной резиной. Спустя много лет такое изобретение было запатентовано в Японии.

Это была первая запись в блокноте, где изобретатель записывал свои идеи, отводя на каждую не более страницы. Сегодня Георгием Ивановичем Сидоренко исписано 72 блокнота...

Снежана МИХАЙЛОВСКАЯ ─

Академиком Г.И. Сидоренко подготовлено 74 доктора и кандидата наук